

ГЛАВА 1

ЛОМТИК

Мышонок глядел на мальчика по имени Марио.

Мышонка звали Ломтик. Ломтик сидел на краю старой водосточной трубы, выходившей на станцию метро «Таймс-сквер». Трубой давно не пользовались, и мышонок устроил в ней домик. Труба уходила в стену и там примерно через метр расширялась. В этом расширении Ломтик хранил клочки бумаги и лоскутки ткани, которые называл своей коллекцией. Ну, а когда он не был занят тем, что пополнял коллекцию (или, как он сам предпочитал говорить, «занимался снабжением»), и не спал, он любил устроиться у самого края трубы и наблюдать за бурлящей вокруг жизнью — по крайней мере, за той ее частью, что спешила куда-то на станции метро «Таймс-сквер».

Ломтик подобрал последние крошки (немногим раньше ему посчастливилось найти кусочек песочного печенья) и облизнул усы.

— Бедняга, — вздохнул мышонок.

Каждую субботу по вечерам он видел Марио за прилавком газетного киоска, который принадлежал

его отцу. По будним дням мальчик, разумеется, ложился спать рано, но в выходные должен был помогать папе Беллини в работе, которая кормила всю семью. Проходил вечер, наступала ночь, а Марио все стоял за прилавком. Папа рассчитывал, что открытый допоздна киоск привлечет пару-другую покупателей, которые иначе пошли бы за журналом или газетой в магазинчик покрупнее. Но тем вечером покупателей почти не было.

— Отпустил бы уж парня домой, — проворчал себе под нос мышонок Ломтик, обводя взглядом станцию.

Дневная суматоха давно утихла, рассеялись и вечерние толпы, возвращавшиеся домой из театра или после сеанса в кино. На длинной лестнице, что вела с улицы вниз, лишь изредка показывались запоздалые прохожие, но и они пробегали мимо киоска не останавливаясь. В этот час все спешили домой, в постель. Поезда на нижнюю платформу прибывали с очень большими перерывами. Долгая тишина, затем нарастающий рев, и вот из туннеля выкатывается вереница вагонов; пауза — одни пассажиры выходят, другие входят; и вновь рев нарастает, и поезд исчезает в темном туннеле. И опять тишина. Тишина и пустота. Станция ждет и не может дожидаться, когда же появятся толпы, к которым она так привыкла.

Мышонок Ломтик снова поглядел на Марио. Мальчик сидел на трехногом табурете за прилавком. На прилавке были разложены журналы и газеты —

очень аккуратно, Марио сам их раскладывал. Этот киоск папа Беллини сделал своими руками много лет назад. Его сыну места за прилавком хватало, а вот мама и папа Беллини, когда приходила их очередь торговать газетами, втискивались внутрь с большим трудом. Сбоку от прилавка имелась полка, на которой расположились маленький радиоприемник из магазина подержанных вещей, коробка бумажных салфеток (для мамы, которая страдала сенной лихорадкой), коробок спичек (для папы, который курил трубку), кассовый аппарат (для денег, хотя вот именно денег в нем было немного) и будильник (просто так). У кассового аппарата был всего один ящик, да и тот не закрывался. Дело в том, что однажды кассу заело, и ящичек, в котором находилось все состояние семейства Беллини, никак не желал выдвигаться, поэтому папа решил, что лучше и вовсе его не закрывать. Когда приходила пора запирать киоск на ночь, деньги так и оставались в кассе, и пребывали в полной безопасности, потому что папа сделал для киоска большие деревянные ставни с замком, и ставни эти закрывали собой все.

Сначала Марио слушал радио. Потом он его выключил. Вдали, в туннеле, показались огни приближающегося поезда-«челнока». На этом уровне другие поезда не ходили. «Челноки» курсировали по короткому маршруту от площади Таймс-сквер до вокзала Гранд-Централ и перевозили людей из подземки западной части города в восточную. Марио

знал почти всех кондукторов «челноков». Мальчик им нравился, и, когда выдавалась свободная минута, они подходили к нему поболтать.

Поезд, со скрежетом затормозивший напротив киоска, принес с собой порыв разогретого воздуха. Из дверей вышло всего человек девять или десять. Ломтику очень хотелось, чтобы кто-нибудь из них остановился и купил газету.

— Свежие газеты, вечерний выпуск! — кричал Марио, пока пассажиры шли мимо. — Журналы!

Никто не остановился. Никто даже не посмотрел в его сторону. Марио без сил опустился на табуретку. За весь этот долгий вечер он продал всего пятнадцать газет и четыре журнала. Мышонок Ломтик, который у себя в трубе тоже вел счет, вздохнул и поскреб за ухом.

К киоску подошел Пол — кондуктор «челнока», друг Марио.

— Повезло? — спросил он.

— Нет, — ответил Марио. — Может, когда придет следующий поезд...

— Теперь до самого утра они будут все реже и реже, — сказал Пол.

Марио оперся подбородком на руку.

— Не понимаю, — сказал он. — Ведь суббота, вечер. А даже воскресные газеты никто не покупает.

Пол облокотился на прилавок.

— Ты сегодня что-то слишком засиделся, — сказал он.

— Завтра воскресенье, выплюсь, — ответил Марио. — И сейчас каникулы. Мама и папа меня заберут, когда будут ехать домой. Они пошли в гости к друзьям. Они только по субботам и могут куда-то сходить.

Из динамика раздался голос:

— Внимание, отправляется поезд на вокзал Гранд-Централ.

— Счастливо, Марио, — сказал Пол и шагнул к поезду. Но передумал, остановился, полез в карман и бросил на прилавок полдоллара. Марио поймал монету.

— Это за воскресный выпуск «Таймс», — сказал Пол и взял газету с прилавка.

— Подожди! — закричал ему вслед Марио. — Газета стоит двадцать пять центов! Возьми четвертак сдачи!

Но Пол уже прыгнул в вагон. Двери за ним закрылись. Сквозь окно было видно, как он улыбнулся и помахал мальчику. Поезд заурчал и тронулся, разгоняя темноту светом прожектора.

Мышонок Ломтик тоже улыбнулся. Ему нравился Пол. Ему вообще нравились люди, которые были добры к Марио. Однако час уже поздний: пора залезть в свою укромную норку и спать. Даже мышонок со станции метро под площадью Таймс-сквер не может бодрствовать сутки напролет. К тому же на завтра Ломтик планировал трудиться не покладая лап: собирать красивые штуковины для своей норки

и вынюхивать по углам лакомые кусочки, которые нет-нет да и падали с прилавков на платформе. И он уже повернулся, чтобы нырнуть в трубу, но вдруг услышал странный, незнакомый звук.

Мышонок Ломтик знал почти все звуки, какие только можно услышать в Нью-Йорке. Он знал, как рокочут поезда в метро, и знал, как на поворотах визжат о рельсы их железные колеса. Сверху, сквозь выходившие на улицы вентиляционные решетки, до него доносился монотонный шорох резиновых автомобильных шин, и кряканье клаксонов, и скрип тормозов. А когда на станции бывало много людей, он слышал гул их голосов, а иногда — лай собак, которых некоторые приводили с собой на поводке. Он знал, как курлычут вездесущие нью-йоркские голуби и как кричат коты, знал даже, как чуть слышно гудят в небе над городом самолеты. Но никогда еще, ни в одном из своих странствий по самому большому в мире городу Ломтик не слышал звука, который походил бы на этот.

ГЛАВА 2

Марио

Марио тоже услышал этот звук. Мальчик встал и прислушался. Грохот поезда замер вдали. Сверху доносилось негромкое бормотание автомобилей на засыпающих улицах. На платформе царила звонкая пустота. И все же Марио слушал, слушал, в надежде вновь уловить загадочный звук... И звук раздался снова.

Он походил на мимолетное прикосновение смычка к скрипке, а может — на звон арфы, когда струны коснулась, тотчас отпрянув, чья-то рука. Если бы где-то в зеленом лесу далеко-далеко от Нью-Йорка, в самой чаще, глухой ночью отделился от ветки лист, падая, он издал бы именно этот звук.

Марио подумал, что уже слышал его когда-то. Однажды летом он гостил у друга на Лонг-Айленде, и днем, когда солнце перебирало золотыми пальцами высокую траву, Марио остановился на краю луга и услышал в точности такой же звук.

Вот только звенел он не в одиночестве, а разом с другими такими же, сливаясь с ними в единый хор.

А здесь, на станции, голос звучал одиноко и был едва слышен.

Марио вышел из киоска и замер в ожидании. Дождавшись новой трели, он пошел на звук. Звук доносился из угла за лестницей, что вела на Сорок вторую улицу. Тихо ступая, Марио подошел ближе. На несколько минут воцарилась шелестящая тишина. Тот, кто производил звук, услышал его шаги и затаился. Марио молча ждал. И вот звук раздался снова. Он доносился из кучки мусора и бумажек, которые ветер загнал к бетонной стене.

Марио присел на корточки и стал бережно разбирать бумажки. Каждую из них он осматривал, а потом откладывал в сторону. Чем дальше, тем грязнее становились бумажки. Наконец Марио поднял последнюю и начал ощупывать покрытый пылью и копотью пол. И вот в трещине он нашел то, что искал.

Это было небольшое насекомое сантиметра два с половиной в длину, покрытое грязью. У него было шесть ножек, два длинных уса и что-то похожее на пару крылышек на спине. Так осторожно, как только мог, Марио поднял насекомое и посадил себе на ладонь.

— Сверчок! — воскликнул он.

Сложив руку чашечкой и стараясь ею не шевелить, Марио пошел обратно к киоску. Сверчок был неподвижен. И тихих своих трелей больше не издавал. Он лежал у мальчика на ладони не шевелясь, словно спал или был напуган до смерти.

Марио вытащил из коробки бумажную салфетку и положил на нее сверчка. Второй салфеткой он стал оттирать с него грязь. Легкими движениями он провел краешком салфетки по твердой черной спинке, по усикам, ножкам и крылышкам. Мало-помалу грязь уходила. Сверчок, правда, все равно остался черным, но теперь его тельце и крылышки красиво заблестели.

Вычистив сверчка, насколько это было возможно, Марио выскочил на поиски спичечного коробка. Найдя пустой коробок на платформе, он выдвинул внутреннюю его часть, положил туда кусочек салфетки, а на салфетку посадил сверчка. Получилось отличное ложе. Марио показалось, что сверчку понравился новый дом. Маленькое насекомое немного поерзало и устроилось поудобнее.

Какое-то время Марио сидел молча и смотрел на сверчка. Он был так счастлив, что даже забыл кричать «Газеты!» и «Журналы!» при виде случайного прохожего.

Тут мальчику в голову пришла еще одна мысль: что, если сверчок голоден? Марио порылся в кармане курточки и нашел оставшийся от ужина кусочек шоколадки. Он отломил крошечку и протянул его сверчку на кончике пальца. Сверчок осторожно поднял голову, словно принюхиваясь, и откусил. Марио ахнул от восторга: сверчок ел у него с руки.

Мама и папа Беллини поднялись на платформу с нижнего уровня станции. Мама была невысокого роста (и немного более пухлая, чем она сама готова была признать). После подъема по лестнице она раскраснелась и тяжело дышала. Папа был высокий и сутулый, но от него исходила волна доброты. Кажалось, что в глубине души папа всегда улыбается. Марио кормил сверчка и был так поглощен своим занятием, что не заметил родителей, даже когда они подошли к киоску.

— Ой! — сказала мама, наклонившись над прилавком. — Что это у тебя?

— Я нашел сверчка! — воскликнул Марио. Мальчик очень аккуратно взял сверчка большим и указательным пальцами и поднял, чтобы показать родителям.

Мама внимательно рассмотрела насекомое.

— Это жук, — вынесла она вердикт. — Выбрось его прочь.

Радость Марио увяла на глазах.

— Нет! — воскликнул он. — Это не просто жук! Это сверчок! Сверчки приносят удачу!

— Ах, удачу? — Когда мама считала, что ей морчат голову, она начинала говорить необычайно сухо. — Ну, раз эти сверчуки приносят удачу, то муравьи, наверное, еще лучше. А больше всего удачи от тараканов. Выбрось!

— Мама, ну пожалуйста, не надо! Пусть он живет у меня!

— У меня в доме никаких жуков не будет, — сказала мама. — Хватит с нас и тех, что в окна лезут. Все сетки в дырах! Этот твой как начнет сверчать, набегут его дружки, и будем мы жить по уши в сверчках.

— Да нет же, — упавшим голосом произнес Марио. — Я заделаю дырки в сетках.

Однако спорить с мамой было бесполезно, и он прекрасно это знал. Если мама что-то решила, спорить с ней — все равно что пререкаться со станцией «Восьмая авеню».

— Как торговля? — поинтересовался папа. Он не любил ссор и всегда старался их предотвратить. Поэтому он отлично умел менять тему разговора.

— Пятнадцать газет и четыре журнала, — сказал Марио. — И еще Пол только что купил воскресный номер «Таймс».

— А «Музыкальную Америку» или еще что-нибудь хорошее так никто и не покупает? — спросил папа, который очень гордился тем, что у него в киоске представлены все, как он говорил, «стоящие журналы».

— Нет, — ответил Марио.

— Если бы ты меньше игрался со сверчуками, продал бы больше, — сказала мама.

— Ну будет, будет, — успокоил ее папа. — Если никто не покупает, что ж тут поделаешь.

— А по сверчкам можно определять температуру, — сказал Марио. — Надо посчитать, сколько раз

в минуту он сверчит, поделить на четыре и добавить сорок. Они очень умные!

— Да кому нужны эти сверчуковые термометры! — махнула рукой мама. — Летом в Нью-Йорке известно какая температура — жара. А откуда ты столько знаешь о сверчуках? Ты что, сам сверчук?

— Мне рассказал Джимми Лебовски прошлым летом, — объяснил Марио.

— Ну так отдай своего сверчука Джимми Лебовски, раз он такой всезнайка, — сказала мама. — Жуки разносят заразу. Не смей нести его в дом.

Марио посмотрел на своего нового друга, который смиренно сидел у него на ладони. А ведь еще минуту назад он, Марио, был так счастлив. Казалось, сверчок тоже все понял и расстроился. Он прыгнул на прилавок и залез в свой коробок.

— Можно держать его здесь, под прилавком, — предложил папа.

Марио подпрыгнул от радости.

— Да, и тогда его не надо даже брать домой! Я буду кормить его прямо здесь, он будет здесь жить, и ты его никогда не увидишь, — сказал он маме. — А на твое дежурство я его буду отсюда забирать.

Мама помолчала.

— Сверчук, — брюзгливо сказала она. — Зачем нам какой-то сверчук?

— А зачем нам какой-то киоск? — сказал папа. — Есть — и ладно, пусть будет.

Папа был не боец, но человек славный.

— Ты говорил, что разрешишь мне завести собаку, — сказал Марио, — а мы все равно ее не завели. И кошку не завели, и птичку, вообще никого. Я хочу, чтобы у меня жил сверчок.

— Тогда он твой, — сказал папа. А когда папа говорил с такой негромкой уверенностью, это значило — все, решено. Возражать ему не осмеливалась даже мама.

Она глубоко вздохнула.

— Ну что ж...

И Марио понял, что все получилось. Мамино «ну что ж» означало, что она сдается.

— Но только сначала надо будет посмотреть, как оно пойдет. Если к твоему сверчку явятся приятели или если он нас чем-нибудь эдаким заразит — ты его выкинешь.

— Конечно, мама, как скажешь, — согласился Марио.

— Помоги-ка мне закрыть киоск, — попросил папа.

Марио поднес коробок к глазам. Ему показалось, что сверчок повеселел, узнав, что остается с Марио.

— Спокойной ночи, — сказал ему Марио. — Утром я опять приду.

— Ты с ним еще разговариваешь! — ахнула мама. — У меня не сын, а какой-то сверчок!

Папа взял деревянный ставень с одного края, Марио подхватил с другого, и вместе они установили его на место. Папа навесил замок. Спускаясь вниз, к по-

М а р и о

ездам, Марио оглянулся через плечо. Он буквально чувствовал, как уютно устраивается в темноте спичечного коробка на своем ложе сверчок.